

Оглавление

Предисловие

9

Введение

Проблема типологии человека
в философии XX века

25

ЧЕЛОВЕК ЕСТЕСТВЕННЫЙ

41

Утраченный рай

43

Масса как естественное
состояние человека

54

Масса и власть

67

Естественность и вера

73

Добро и зло
в естественном состоянии

84

Смерть как болезнь

93

Память и история

99

ЧЕЛОВЕК ИСКУССТВЕННЫЙ

105

Загадка
происхождения

106

Бытие в свободе

111

Парадоксы свободы
в обществе постмодерна

123

Существование
как проблема

134

Настроение как фактор жизни

144

Добро и зло
в искусственном
состоянии

151

О пользе и вреде истории

160

Память и свобода

179

Смерть
как единственная
возможность стать
человеком

189

Поиски нового Бога

194

ЧЕЛОВЕК СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННЫЙ

205

Природные
основы сверхчеловека.
«Человек-зверь»

205

Как перестать
быть человеком?

221

Как научиться летать?
«Человек-дух»

229

Как научиться видеть?

241

Жизнь в настоящем,
или проблема
метафизического
опыта

258

Человек любящий

266

Сверхчеловек
и смерть

283

Заключение

288

Примечания

302

Предисловие

В этой книге мы, отталкиваясь от многочисленных попыток типизации человека по различным основаниям и признавая важность и плодотворность таких усилий для понимания человека, пытаемся выработать системно-философский подход и предлагаем рабочую гипотезу, согласно которой человеческое бытие имеет три измерения – «человек естественный», «человек искусственный» и «человек сверхъестественный», или, другими словами, «дочеловек», «человек» и «сверхчеловек». Это не три стадии развития человека, не три типа, а одновременно существующие в каждом человеке три ипостаси; при этом одна (например, дочеловеческая) может быть более развита, а человеческая и сверхчеловеческая существуют скорее виртуально, чем реально.

Данную типологию можно выразить и во временных терминах: «естественный человек» – это человек прошлого, «искусственный» – человек будущего, а сверхчеловек – человек настоящего. Естественный человек, как архаический, так и современный, массовый, все время обращен к вечным образцам и архетипам, созданным когда-то в прошлом. И это позволяет ему построить защиту против ужаса непредсказуемо развивающейся истории. Прошлое подавляет его своим величием, недоступностью для изменения. В прошлом был золотой век, в прошлом жили великие герои. От того, правильно или неправильно мы понимаем и истолковываем прошлое, зависит наше настоящее.

Искусственный человек – это человек будущего, это всегда проект, он устремлен вперед, для него настоящее – лишь ступенька к будущему, будущее манит, обещает, что за следующим поворотом начнется подлинная, удивительная жизнь. «Сердце будущим живет, настоящее уныло...» (А.С. Пушкин). Для него главная категория – возможность. Возможность – условие свободы. Только она позволяет ему вырваться из мертвящей и давящей необходимости.

Искусственный человек всегда озабочен и тревожен, потому что остро переживает открытый перед ним временной горизонт, в котором много неизвестного и то, что не вызывает никаких сомнений, – смерть. Забота есть не что иное, как переживаемая временность. Из этой переживаемой конечности жизни вытекает осознание собственной способности быть, быть свободным.

И наконец, сверхъестественный человек – это человек настоящего, только он может остановить мгновение и жить в нем, в любом восприятии открыть сложность и многообразие мира. Только настоящее актуально, и только оно позволяет нам чувствовать себя живущими здесь и сейчас, позволяет что-то действительно сделать в своей жизни, а не воевать с призраками прошлого и обманываться обещаниями будущего.

Дочеловеческое – это животное начало, полное энергии, первобытной силы, начало бездуховное, наивное. Та часть нашего существования, которую можно назвать естественным человеком, – это индивид, слепо верящий всему, что ему говорят от имени общества и государства, человек «стада» (Ницше), сентиментальный, как ребенок, и жестокий, как зверь, преданный и жадный, ни к чему не стремящийся, не обладающий какими-либо талантами и способностями и ничуть этим не озабоченный. Дочеловеческое измерение – неисчерпаемый и необходимый ресурс для человека и сверхчеловека. Оно составляет как бы базовый слой, базовую модель человека.

В «дочеловеческой» ипостаси индивид не обременен рефлексией, не мучается проблемами собственного предназначения, в определенном смысле он постоянно пребывает в детском возрасте, и можно только позавидовать его слепой вере в прошлое, в то, что бывшее однажды будет таковым всегда. Согласно Г. Гурджиеву, каждый человек имеет сущность и личность. Сущность – это характер человека, совокупность его самых простых реакций на других людей, то, что складывается с самого детства и потом почти не меняется. Личность – это то, что мы получаем извне: знания, умения, правила жизни. Личность – это то в нас, что не наше. У большинства людей очень мало своего собственного. Все, что у них есть – идеи, убеждения, взгляды, – большей частью взято из разных источников. У большинства людей сущность развивается до 12–15 лет, пока формируется характер, и потом останавливается в своем раз-

витии. А личность может развиваться сколь угодно долго. Человек заканчивает школу, университет, пишет книги, становится известным ученым, а в своей сущности он остановился в развитии уже давно, в сущности он остался наивным ребенком. Он ведет себя беспомощно и глупо, когда нужно принять важное решение относительно своей судьбы или судьбы близких, он верит на слово всевозможным политическим демагогам и проходимцам. Случается, что некоторые аспекты сущности останавливаются в своем развитии в пять-шесть лет, а дальше все собственное кончается. Остальное оказывается чужим: или взято из книг, или создано благодаря подражанию готовым образцам. Бывают случаи, когда сущность растет параллельно личности, но в условиях современной цивилизованной жизни они весьма редки. Сущность имеет больше шансов развиваться у простых людей, которые живут в трудных условиях борьбы и опасностей. Но, как правило, личность у таких людей развита очень слабо, им не хватает воспитания и образования, не хватает культуры.

Алкоголь или наркотики могут усыпить личность, она как бы исчезает на время, и остается одна сущность. «И случается так, что человек, полный всевозможных возвышенных идей, симпатий и антипатий, любви, ненависти, привязанности, патриотизма, привычек, вкусов, желаний и убеждений, оказывается совершенно пустым, лишенным каких бы то ни было мыслей, чувств, убеждений и взглядов. Все, что раньше волновало его, теперь оставляет совершенно безразличным. Иногда он видит искусственный и мнимый характер обычных своих настроений и громких слов, а иногда просто забывает о них, как будто их и не было. ...Все, что ему удастся найти в себе, – это несколько инстинктов, наклонностей и вкусовых предпочтений. Он любит сладкое, любит тепло и не любит холода, ему неприятна мысль о работе; или же, наоборот, ему нравится идея физического движения. Это все»¹.

Человек в естественном состоянии – это человек неразвитой сущности, в нем человеческое существует еще в потенциальном виде, он подобен ребенку, обещающему стать взрослым, умным, порядочным, успешным. Но далеко не всем удается выполнить это обещание. Поэтому Ницше и говорил, что человек – это великое обещание.

Дочеловеческое, естественное существует и в искусственном человеке, и даже в сверхчеловеке, потому что

гений – это человек, сохранивший в себе детское начало, детскую впечатлительность, человек, так никогда и не ставший взрослым. И как ребенок, он остается ближе к природе. Вообще непонятно, чего больше в гении – природного или человеческого. Гением надо родиться, им нельзя стать. В определенном смысле гений также является моделью человека, только не базовой, а идеальной. Он – свидетельство того, на что способен человек, какие в нем скрыты великие потенциальные возможности.

Наша «искусственная ипостась» существует только в постоянном напряжении между двумя полюсами – сверхчеловеческим (поскольку человек есть образ и подобие Божие, в нем может проявиться гениальность, например, в любви, в поисках смысла жизни; он способен на такие действия, которые не имеют естественной причины: любовь, свобода, долг и т. д.), и дочеловеческим (человек никогда не может освободиться от агрессивности, злобы, зависти, ненависти, как бы его ни «дрессировали», как бы он себя ни дисциплинировал, ни развивал свои душевные и духовные качества).

Только в своем «искусственном состоянии» человек начинает размышлять о проблемах своего существования, о тайне своего происхождения, о том, кто он и откуда пришел в этот мир. Только здесь человек начинает постигать принципиальную негарантированность своей жизни ни Богом, ни природой, свою безопорность, только здесь возникает страх перед небытием, смертью и страх перед бытием: страх не состояться как человек, страх от безвыходности существования, поскольку он все время знает, что завтра придется снова жить, завтра содержится в бесконечности сегодня. Отсюда ужас бессмертия и вечная драма существования.

А поэтому искусственного человека все время тянет вернуться к природной простоте, к механическому существованию, когда не надо ни за что отвечать, когда не ты напрягаешься и что-либо делаешь, а через тебя делается, мечтается, любится, когда с тебя снимается ответственность за тот способ, каким ты существуешь в мире, когда верится, что рано или поздно тебе автоматически будет отмерено определенное количество добра, мудрости, счастья. Огромное количество всевозможных обществ и общин, пытающихся жить в гармонии с природой, отвергающих достижения цивилизации, а заодно и моральные

представления, – все это говорит о том, как сильна тяга человека к естественному состоянию. Так же сильна, как и тяга к сверхчеловеку: хочется стать мудрым, могучим, обладать сверхчеловеческими способностями. В конечном счете – стать Богом. И хотя это бесполезная страсть, но человек без нее невозможен.

Человек никогда не находится устойчиво и постоянно в каком-нибудь одном способе существования, а мигрирует, мерцает, перетекая из одной ипостаси в другую. Это особенно относится к собственно человеческому, т. е. искусственному, состоянию. Если человек – это стремление быть человеком, то это стремление «быть» постоянно, это постоянное усилие. Никто не может сказать себе: ну все, я наконец-то стал человеком. Никто даже не может сказать себе, что он человек. «...В отличие от всех прочих существ человек никогда не убежден и не может быть убежден, что он человек (так же как тигр не сомневается, что он тигр, а рыба уверена, что она – рыба)... Человек, в отличие от остальных существ, никогда не является собственно человеком², т. е. самим собой. Быть человеком – значит быть жизненной задачей, грозным, рискованным приключением на грани самого человеческого бытия. Обычно я говорю, что человек – это драма»³.

Мы все время пытаемся стать людьми, это, собственно, основное наше занятие. Стать человеком не означает получить профессию, должность, добиться уважения окружающих – все это, конечно, важно, но не является основным признаком человеческого существования. Человека все время не удовлетворяют в полной мере все его свершения и достижения. Человек – это только идея, созданная фантазией, воображением, это путеводная звезда, которая освещает нам путь в часы уныния среди мертвой повседневной рутины, серого водоворота будней. Человек является метафорой самого себя потому, что все подлинно человеческие чувства – это вещи невозможные. Невозможна любовь, которая только в краткие минуты жизни посещает человека, а потом растворяется в обычной суете и уходит, человек чаще всего любит тогда, когда любить нельзя, когда это опасно, когда угрожает смерть (если в повседневной жизни это не так заметно, то весь опыт художественной литературы, все ее сюжеты и коллизии свидетельствуют о таком положении вещей); не-

возможна совесть как постоянная и ровная настроенность жизни: если человек не святой, то подавляющее время своей жизни он выкручивается, приспособливается, интригует, лжет и обманывает, чтобы добиться своих целей, мучается от этого, стыдится, переживает и необычайно гордится однажды совершенным совестливым поступком. И совесть, и любовь, и мудрость – эти бытийные состояния, проявления бытия в нас – являются лишь метафорами истинной жизни.

Три измерения нашего бытия сосуществуют так же, как сосуществуют, например, чувственность, рассудок и разум. Будучи противоположными, они дополняют и взаимно обогащают друг друга. Никто не живет только чувствами или только разумом, но у различных индивидов более развито либо то, либо иное начало. Развито до определенного предела, дальше которого начинается патология. Так, человек, в котором естественное, природное начало развито необычайно сильно и затмевает все другие ипостаси, больше похож на животное, чем на человека; так же патогичен сверхчеловек, который настолько ушел вперед в своем развитии, что в нем как будто не осталось никаких обычных человеческих качеств: слабости, страха, лукавства, хитрости и душевного трепета. Он словно вылит из одного куска стали и подавляет нас своим величием. В обычном человеческом состоянии все три измерения более или менее сбалансированы, взаимопроникающи, не имеют никаких четких контуров и границ, отличающих одно состояние от другого. Человек не может дать себе отчет, в каком измерении находится сейчас, какая часть его существа вынуждает его поступать так, а не иначе. Почему, будучи в ясном уме и зная последствия своих поступков, он все равно вершит зло? Почему обрекает себя на неизбежное поражение, берясь за такое дело, на выполнение которого заведомо не хватит жизни? Почему огромное большинство людей в зрелом возрасте считают, что еще и не начинали жить, а живут как бы начерно, предварительно? Чего здесь больше – мудрости, верящей в бессмертие души и вечную жизнь, сверхчеловеческого начала или детской наивности, инфантильности?

Главной задачей данного исследования является попытка проследить, как проявляются три вышеуказанных измерения бытия человека в настоящее время, когда чело-

вечество все более сливается в безликую однородную массу, когда выходцы из самых нижних, маргинальных, слоев становятся вождями партий, президентами, «отцами нации», а гениальные поэты или композиторы, приспособившись к рыночной конъюнктуре, прославляют их деяния, превратившись в государственных служащих, работающих по найму. Когда «свирепствует» массовая культура, позволяющая любому человеку, овладевшему соответствующей техникой или технологией, удачно симулировать духовную деятельность. Когда сама реальность становится симулякром, разыгрываемым спектаклем. В мире спектакля реальность затмевается гиперреальностью и может существовать только на грани между игрой и реальностью, а «подлинное» и «имитация» неразличимы или даже меняются местами. В мире постмодерна имитация – уже не антипод подлинности, а необходимое ее дополнение. Подлинное, чтобы существовать и оказывать влияние, вынуждено еще и имитировать само себя, в том числе имитировать свою подлинность. Чтобы выжить в этом мире, подлинное вынуждено играть по существующим здесь правилам.

Так, если считать «массу», «стадное состояние» дочеловеческим, то теперь без преувеличения можно сказать, что масса живет ныне в каждом человеке. Если во времена Ницше и многие десятилетия позже общество было, упрощенно говоря, поляризовано на массу и элиту, то сейчас любой человек, относящийся к элите по образованию, воспитанию, творческому характеру деятельности, является в какой-то части человеком массы. Он служит той или иной организации, выполняет соответствующие ритуалы, не имеющие смысла с точки зрения жизненной целесообразности, находится под магическим воздействием средств массовой информации, невольно или осознанно разделяет те или иные иллюзии и предрассудки относительно социального устройства, устройства мира, человеческих потребностей. Все меньше у него силы для внутреннего сопротивления миру, где все размыто, неопределенно, где каждый день исчезают одни ценности и, на глазах у всех, опытными политтехнологами конструируются новые. Мы причастны массе в той степени, в какой боимся проявить свое Я, выразить свою индивидуальную позицию. Боимся власти, полиции, цензуры, общественного мнения. Мы причастны массе в той сте-

пени, в какой не пытаемся тщательно взвешивать последствия своих поступков, надеясь на благосклонную судьбу, мудрость общества, неумолимость прогресса, благодаря которому в мире, как нам кажется, неуклонно и автоматически уменьшается количество зла. Мы причастны массе в той степени, в какой мы – дети своего времени и отдаемся суеде злободневных событий и бессмысленной сумятице социальной жизни, не умея оценивать события с точки зрения вечности.

В настоящее время трудно представить себе человека как независимого, обособленного индивида, переживающего свою уникальную экзистенциальную ситуацию помимо власти, которая пронизывает все отношения; помимо усредненного, идеологически выхолащенного языка, на котором этот уникальный индивид должен говорить, хотя бы целях самосохранения; помимо способов осознания и описания человеком самого себя, разработанных философией, социологией, политикой; помимо «стиля эпохи», в который люди погружены и из которого не могут вырваться. Все люди, до мелочей, до самых интимных переживаний, удивительно похожи друг на друга, потому что живут по общим образцам. И чем более они умны и интеллигентны, тем более похожи, ибо много знают и чаще всего не замечают, что приобретенные чужие мысли, чужой взгляд на мир входят в плоть и кровь собственного характера и кажутся своими. Очень многое в личностях не из личного опыта, а из литературы.

Русская литература в XIX–XX вв. создавала шкалу ценностей, по которой судилась эпоха. Подобная гипертрофированная значимость ее иногда выглядела абсурдной, нелепой, но тем не менее всегда имела место: по литературе судили о действительности, в ней видели высший суд. И. Бунин писал в своем дневнике в 1918 г., что литературный подход к жизни отравил нас: всю громадную и разнообразную жизнь России последнего столетия разбили на десятилетия и каждое определили его литературным героем – Чацким, Онегиным, Печориным, Базаровым. Все это, с его точки зрения, совершенная нелепость, ибо героям, которым подражали, было всего по 18–20 лет. Тем не менее никуда не деться от того факта, что по литературным героям судили о конкретной эпохе.

Но дальше – хуже. Если XIX век породил великую литературу, то в XX в. появляются уже не писатели, а «инже-

неры человеческих душ». И люди начинают подражать Павлу Корчагину, Чапаеву, героям романов А. Панферова или Л. Соболева, писателей, которые в силу их литературной убогости и откровенной идеологичности могли быть отнесены только к «низкой» культуре, но они возносились властью, делались эталоном советского искусства. И люди делали свою жизнь «по Ильичу», «по Корчагину», «по Стаханову», т. е. по персонажам, выдуманым или сконструированным идеологией.

Люди малокультурные, плохо знающие литературу и не зависимые от нее, как, впрочем, и от современных тенденций в живописи, театре, музыке, казалось бы, должны быть более самобытными, но и среди них, как правило, существует огромная масса одинаковых предрассудков. Там господствует мифология, иногда наивная, иногда довольно искусная. Например, главным мифом, наиболее адекватно описывающим русскую историю, является миф о вечном возвращении. Все повторяется, потому что ни из каких исторических уроков не делается выводов, потому что никогда не продумываются до конца причины и следствия социальных потрясений. Есть много других мифов: о богоизбранности русского народа, о загадочной славянской душе, о благодати, которая выше закона, и т. д. Очень действенным является миф о «мире»: навалимся всем миром, на миру и смерть красна и т. д. Вместо декартовского «один на один с миром», «здесь и сейчас» – установок, свойственных искусственному человеку – существует, как говорил в своих лекциях М.К. Мамардашвили, исконно российское – «вместе», «завтра» и «может быть».

Сейчас во многом роль литературы и искусства выполняют СМИ, они формируют вкусы, потребности, интересы человека, который теперь состоит из взаимозаменяемых блоков – можно вынуть один и поставить другой. Ничего не меняется от того, что человек осознает производимые над ним манипуляции. Он может никогда не смотреть телевизор, но он не в силах не приспособливаться к окружающей массе, не говорить на ее языке, разделять ее опасения и надежды, пусть даже недоверчиво ухмыляясь и понимая свою уникальность и непохожесть на остальных⁴.

В современном постмодернистском мире естественное и сверхъестественное, добро и зло, виртуальное

и реальное настолько переплелись и настолько взаимобусловлены, что на первый взгляд кажется действительно невозможным разделить их. «Чему противостоит СПИД, не более ли ужасающей вероятности сексуальной эпидемии, всеобщей сексуальной скученности? Та же проблема и с наркотиками; отложим в сторону драматизацию и спросим себя: от чего нас защищают наркотики? Какую увертку представляют они перед лицом еще худшего зла – умственного оупения, нормативного обобществления, универсальной запрограммированности? То же можно сказать и о терроризме: это вторичное, вызывающее реакцию насилие, возможно, защищает нас от эпидемии согласия, от политической лейкемии и упадка, которые продолжают углубляться, а также от невидимого, но очевидного влияния Государства. Все вещи двойственны, все имеет обратную сторону. В конце концов, именно благодаря неврозам человек оказывается надежно защищен от безумия»⁵.

Человек глубоко вовлечен в мир симулякров, где невозможно отличить правду от вымысла, живое от неживого, страсть от имитации. Симулякрами может быть все: любовь, секс, смерть, политика, война. Самодостаточные знаки – симулякры – поглотили собой предметы, т. е. реальность в привычном смысле слова. В симулятивной реальности постмодернистского общества нельзя четко провести грань между «собственно» реальным и «всего лишь» фиктивным. Эта реальность соткана из фикций, и, напротив, эти фикции сделались единственной реальностью. Человек становится симулякром и не может дать себе отчет в том, действительно ли он существует, или через него существуют некие силы, формирующие его и вызывающие его к жизни. Проблема существования – это проблема преодоления кажущейся жизни, которая постоянно преследует нас. Мы часто имитируем жизнь; всякое частичное, нечистое и в этом смысле неполное существование – это всегда имитация. В ту секунду, когда я чувствую себя добрым, эта доброта уже существует в виде имитации: все говорят добрые слова, все стремятся быть добрыми. То же самое происходит, когда я хочу высказать мысль о чем-то. Но нет в мире ни одного обстоятельства и ни одной вещи, о которых уже не высказано много мудрых мыслей. Моя мысль будет только имитацией моего ума, моей способ-

ности оригинально мыслить. Вокруг все добрые, все умные, все верующие, и в то же время вокруг столько злобы, глупости и отчаяния, которым вроде бы неоткуда взяться. Следовательно, все вокруг заполнено симулякрами, не отличимыми от истинных образцов. Прорваться через симулякр, через имитацию можно только через попадание в стихию добра, в стихию мысли, в стихию любви, веры. Мысль о чем-либо всегда вторична, о чем бы мы ни думали, что бы ни делали предметом своего размышления, об этом до нас уже думали тысячи людей, и нет необходимости еще в одной мысли. Но есть еще чистая мысль, способность мыслить вообще, попадание в особое состояние, в котором может родиться любая мысль, также и вера есть прежде всего не вера во что-то или в кого-то, но особое состояние души, вера имеет своим предметом веру. Прорваться через симулякры к действительной жизни, ощутить себя живым, а не продуктом манипуляции можно через творчество самого себя, своего слова, своего оригинального, самобытного поступка.

«Единственная ценность, которую мы ищем во всех проявлениях себя и окружающего, – это живое... Реальная человеческая психология строится на оживлении того, что мертво. Мы оживляем мертвые слова, мертвые жесты, мертвые конвенции. Единственное наше трепетное, то есть волнующее нас, отношение ко всему этому в действительности сводится к тому, что за всеми симуляторами и привидениями, за вещами – мы ищем жизнь. И себя как живущего. Ибо ощущать себя живым совсем не просто»⁶.

С нашей точки зрения, быть живым – значит пребывать одновременно в трех ипостасях, ощущать в себе жизненную силу породившей нас природы, приходить в отчаяние от невозможности самопознания и адекватного самовыражения, мечтать о радикальном духовном преображении и верить в то, что есть некий смысл, поиски которого и составляют основной лейтмотив человеческого существования.

Как отдельный человек не может объективно рассказать о себе, вывернуть себя наизнанку, так и современная наука о человеке – антропология – не может быть беспристрастной, похожей на физику. Антрополог нагружен ценностями своего времени, предпочтения-

ми, философской ориентацией. Но главная трудность заключается в том, что в конечном счете основным объектом исследования является он сам. А о себе он знает меньше всего, слишком близка дистанция. В то же время другие о нем знают еще меньше, потому что, несмотря на всю свою открытость, он остается для других «черным ящиком», вещь в себе, которую в принципе нельзя познать средствами науки, рационально. Мы лучше знаем все то, что не есть мы сами, то, что нас окружает. Человек остается величайшей тайной для самого себя; несмотря на его конечность, его возможности как будто простираются в бесконечность. А посему он не соответствует ни одному единичному существу — только миру в целом⁷.

Ни один образ человека не совпадает с его сущностью, человек есть то, что он делает, на что он оказывается способен, это и совпадает с его сущностью. Поэтому возможности его рационального постижения и описания весьма ограничены. Правда, считал И. Кант, есть другие способы одному человеку узнать другого — надо его полюбить. Полюбить — значит воспитать внимание и зоркость души к истинной реальности человеческого существа, научить ее воспринимать ценность и притягательную силу этого удивительного создания природы, благодаря чему любовь как субъективное чувство превращается в универсальную любовь — в любовь как общую жизненную установку. Данная книга является попыткой объяснить в любви к человеку, к типичному представителю человеческого рода, которому ничего никогда не удастся толком, который мучается и страдает от этого, но всегда надеется на свет в конце тоннеля. Авторы понимают, что сказать что-то новое о человеке, или хотя на самую малую частицу продвинуться вперед в этой проблеме — почти невозможное дело. Ибо «...ни за что не заплачено было так дорого, как за ту малую частицу человеческого ума и чувства свободы, которая теперь составляет нашу гордость»⁸.

Попытка объяснения в любви вызвана горечью, грустью при осознании внутренней истощенности человека. Мы убеждены, что человек в его нынешнем виде заканчивает свое историческое существование. Не в смысле М. Фуко, который писал о «смерти человека», полагая, что изменятся составляющие человека и будущий человек

срастит себя с кремнием или с компьютером и будет совершенно другим видом. И не в смысле Ф. Ницше, который писал, что человек есть нечто, что должно превзойти. Человек – это канат, натянутый между животным и сверхчеловеком, канат над пропастью. «В человеке важно то, что он мост, а не цель: в человеке можно любить только то, что он *переход* и *гибель*. Я люблю тех, кто не умеет жить иначе, как чтобы погибнуть, ибо они идут по мосту»⁹. Человек, по мнению Ницше, тогда и становится человеком в подлинном смысле этого слова, когда погибает как человек и становится сверхчеловеком – философом, художником или святым.

Внешними признаками этой исчерпанности являются продолжающееся и все более увеличивающееся разрушение природы, неуклонный рост насилия, агрессивности, потеря жизненных перспектив у больших слоев населения, секуляризация религии и даже все возрастающая активность людей нетрадиционной половой ориентации, объединяющихся в союзы, партии, движения.

Люди становятся иностранцами на собственной земле, и «родина» и «земля» превращаются только в географические понятия. Сегодня, к примеру, мы говорим о материи, описываем ее физические свойства, но это слово остается сухим, внечеловеческим, чисто интеллектуальным понятием без какого-либо психического содержания. В нем нет ничего от прежнего образа материи – Великой Матери, который мог вместить в себя и выразить глубокий эмоциональный смысл Матери-Земли. То же происходит с духом, который теперь отождествляется с интеллектом и перестает быть Отцом всего. Вся колоссальная эмоциональная энергия, выраженная в образе Отца, ушла в песок. «Наш интеллект неслыханно обогатился вместе с разрушением нашего духовного дома. Мы убедились к настоящему времени, что даже с постройкой самого большого телескопа в Америке мы не откроем за звездными туманностями эмпирей, что наш взгляд обречен на блуждание в мертвой пустоте неизмеримых пространств. Не будет нам лучше и от того, что откроет математическая физика в мире бесконечно малого. Наконец, мы обращаемся к мудрости всех времен и всех народов и обнаруживаем, что все по-настоящему ценное давно уже было высказано на самом прекрасном языке. Подобно жадным де-

тям мы протягиваем руку к этим сокровищам мудрости и думаем, что если нам удастся их схватить, то они уже наши. Но мы не способны оценить то, что хватаем, руки устают, а сокровища все время ускользают»¹⁰.

Начинается эпоха таких глобальных кризисов, на преодоление которых у человечества может не хватить сил. И если оно выйдет из них, то, видимо, с очень большими потерями. Это, прежде всего, энергетический и связанный с ним продовольственный кризис. Все это пока существует подспудно, затушевано громадными успехами науки и техники, политической демагогией и неискоренимым оптимизмом людей. Но, возможно, что уже поздно, возможно, наши идеалы и ценности – это только свет далекой, давно погасшей звезды, что на самом деле все обстоит так, как М. Хайдеггер характеризовал ситуацию с религией. «Христианская вера еще будет – здесь, там, где-нибудь. Однако правящая в том мире любовь уже перестала быть действительно-действительным принципом всего совершающегося теперь»¹¹.

Внутренняя исчерпанность вызвана все возрастающей расщепленностью человека на три ипостаси, которые ныне чаще всего друг с другом не связаны и друг от друга не зависят. Если раньше «естественный человек» был философско-антропологической абстракцией, одной из мыслимых ипостасей человека вообще, то сейчас естественного человека можно видеть наглядно, как воплощенную абстракцию. В нем нет ничего от человека искусственного, а тем более сверхъестественного. Какую огромную работу должна была провести цивилизация, чтобы человек, вооружившись техническим и научным инструментарием, вкусив в той или иной мере благ цивилизации, перестал рассматривать себя как несовершенное существо, как ступень к высшей стадии своей эволюции. Нет больше сильной личности, способной своей волей и интеллектом одухотворить мир, никто не хочет жить мужественно и самостоятельно, ища на свой страх и риск свой собственный жизненный путь, каждый прячется за другого, живет, подчиняясь общим шаблонам и стандартам, каждый полон сострадания и готов служить другому. Но человек должен жить для себя, пытаться изменить самого себя, из твари сделаться творцом, только тогда он может что-то сделать для других.

«Большинство людей, очевидно, *случайно* живут на свете, в них не видно никакой необходимости высшего рода. Они занимаются и тем, и другим, их дарования посредственны. Как странно! Род их жизни показывает, что они сами не придают себе никакой цены, они тратят себя, унижаясь до пустяков (будь это ничтожные страсти или мелочи профессии). В так называемом “жизненном призвании”, которое должен избрать всякий, проявляется трогательная *скромность* людей: они говорят этим, что призваны приносить пользу и служить подобным себе; сосед тоже, а его сосед тоже; и так всякий служит другому, ни у кого нет призвания жить ради себя самого, но всегда ради других; т. е. получается черепаха, которая покоится на другой, а эта на следующей и т. д. до бесконечности. Если цель всякого в другом, то *существование* всех не имеет *никакой цели*; и это “существование друг для друга” – самая комическая из комедий»¹².

Но человек искусственный, потерявший веру в возможность воплощения высших идеалов, уставший от жизни и мечтающий об опрощении и даже активно занимающийся этим опрощением (например, истовым служением власти, какой бы она ни была по своей природе), не менее типичное явление нашего времени¹³.

Что касается сверхчеловека, то ныне это уже «уходящая натура». Есть выдающиеся писатели, художники, композиторы, и каждый имеет свою, иногда очень большую группу почитателей, или, как теперь говорят, фанатов. Но давно уже нет гениев, пользующихся мировым признанием: ни в науке, ни в искусстве, ни в политике, ни в философии. Возможно, кто-либо из ныне живущих еще получит такое признание, но кажется более вероятным, что время великих людей, сверхчеловеков прошло. Говорят, что великие люди в политике появляются в эпоху великих потрясений, но наша эпоха, начиная с Первой мировой войны, – одно сплошное потрясение. И то, что было поразительным и невероятным для прошлых эпох: революции, эпидемии, появление новых религий или гибель большого числа людей, – все это становится обыденностью для нашего времени. Люди не верят ни политикам, ни пророкам и подозрительно относятся к научным открытиям, справедливо подозревая, что их внедрение в жизнь может обернуться катастрофой. И если когда-нибудь

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru